

ФЕЙРИ С АРБАТА ГАМБИТ

Татьяна Богатырева
Евгения Соловьева

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Б73

Серия «Город магии»
Серийное оформление: *Марина Акинина*
В оформлении обложки использована работа
Владимира Федотко

Богатырева, Татьяна, Соловьева, Евгения
Б73 Фейри с Арбата. Гамбит / Татьяна Богатырева, Евгения Соловьева. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 414, [1] с. — (Город магии).

ISBN 978-5-17-091737-2

Библиотекарша Лиля вела самую обычную жизнь, пока ее не пригласили протестировать новые локации модной компьютерной игры в режиме виртуальной реальности. Согласившись, Лиля и представить себе не могла, что виртуальный мир изменит ее судьбу и подарит долгожданную любовь. После возвращения в реальность Лилю, вместо привычной работы в библиотеке, затягивает водоворот светских тусовок, детективного расследования и мистических событий. А вскоре ее называет совершенством мужчина, о котором она раньше не могла и мечтать: известный фотограф, богатый, красивый... Кого выберет Лиля: романтического рыцаря или циника с темным прошлым? Сумеет ли она выпутаться из чужой игры или станет разменной пешкой и погибнет?

Подписано в печать 20.01.2016.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂ Усл. печ. л. 21,84.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

© Богатырева Татьяна, Соловьева Евгения, текст, 2016
© Владимир Федотко, иллюстрация, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Блины — это прекрасно, когда готовить их не тебе, думала Лиля, глядя Сеньке в спину. Сенька как раз взбивал белки для гурьевских блинов — правда, чем они отличались от любых других, Лиля не понимала. Сенька жужжал миксером очень сердито, так что пена клоками летела во все стороны.

Настасья поймала один такой клочок на выставленную ладонь. Слизнула. Наморщив выдающийся греческий носик, трянула черной в рыжие перышки челкой и пропела:

— Пе-ре-со-лил.— Контральто у нее было хорошо поставленное, оперное.

— Влюбился, наверное, — сказала Лиля.

И тут же пожалела. Миксер замолчал, Сенька, тоже молча, шарахнул по столу кулаком, перевернув миску, обернулся и рявкнул:

— Не твое дело! Если и влюбился — все лучше, чем торчать за монитором круглые сутки, до отъезда крыши!

Глаза у него были красные, как будто не выспался. И злые.

Лиля растерянно стерла со лба брызги и посмотрела на Настасью.

— Чего это он?

Настасья пожала плечами и ближе подвинулась к своему Тыкве. А Сенька шагнул к Лиле — шаг получился маленьким, кухня-то всего шесть метров, — навис над ней и сунул в руки миксер:

— Давай, блины магические, начинка из гоблинов. Твое коронное блюдо.

Лиля прикусила губу, чтобы не ответить какую-нибудь гадость. Ну, подумаешь, любит она играть. И что теперь? Враг народа и расстрел без права переписки?

Миксер все-таки забрала, обошла Сеньку, жесточно вытирающего руки полотенцем, и оглядела приготовленные миски: одну почти с тестом, одну — с желтками и еще одну — с творогом. Мстительно смешала в одной миске все, кроме творога, и плюхнула на огонь сковородку.

— Гурьевские блины отменяются, — сказала, очень надеясь, что прозвучит спокойно. — Будет новый вид. «Поцелуй негра».

За спиной приснули дуэтом Настасья с Тыквой. А Сенька буркнул, рухнув на табурет:

— Не поцелуй негра, а привет от горлума. Я буду бутерброд, мне жизнь дорога.

— Приятно подавиться, — в тон ему буркнула Лиля.

Она категорически не понимала, что творится с Сенькой. Лучший друг, почти старший братик, — даже внешне похож, только Сенька высокий и плечистый, а она моль мелкая и белесая, — чуть не с пеленок вместе. От хулиганов защищал, алгебру с ней делал. Когда Лиля пыталась поступить в консерваторию, отпрашивался со своей охранный службы и ходил с ней. А потом отпаивал

вином в ближайшей кафешке и героически тащил на себе мокрую от слез бездарность. До самой ванны, потому что ей было плохо. И никогда не жаловался, что она не умеет толком готовить. То есть умеет, но под настроение, а не так вот... Нет, совершенно непонятно, что за вожжа попала ему под мантию!

Первый блин предсказуемо сгорел. Второй прилип, порвался и был под укоризненными взглядами голодающих тоже отправлен в помойку. А третий испоганить она не успела: Настасья громко чихнула и жалобно-жалобно попросила:

— Сень, а Сень? Кушать хочется. Очень-очень.

— Колбасы на всех не хватит, — сказал Тыква и тяжело вздохнул: при его росте под два метра никакой колбасы не хватит. И впрок не пойдет, все равно так и останется тощим и нескладным, как циркуль.

Лиля покосилась через плечо, наткнулась на очень обиженный Сенькин взгляд и снова отвернулась к дымящейся сковородке. А она что, она ничего. Она предупреждала, между прочим! И вообще, может, после двух часов игры на морозе у нее пальцы не гнутся...

— Богема, руки из одного места! — проворчал Сенька, отодвинул Лилю от плиты и с тихим незлым словом сунул горящую сковороду под кран.

Сковорода матерно зашипела, но шеф-повар с ней договорился, и следующий блин вышел вполне съедобным. Даже очень вкусным: не дожидаясь, пока Сенька плюхнет его на пустую тарелку, блин цапнули сразу с трех сторон, по-братски поделили и проглотили, обжигаясь и дуя на пальцы.

— Сожрете все блины без меня, в другой раз сами будете готовить, — флегматично предупредил шеф-повар, прежде чем положить на тарелку второй блин.

Угроза возымела действие — все три руки разом отдернулись и попрятались. Под стол, для надежности. Лиля отвернулась от маленького, бедненького и такого одинокого блинчика. У Тыквы от сочувствия блинчику забурчало в животе. Громко. А Настасья бодро заявила, сглотнув слюну:

— Ладно. Ты жарь, а мы будем гадать. — Она отставила тарелку с блинчиком на подоконник, с глаз долой. — На суженого, вот! Лильбатьковна, тащи зеркальце, а ты, — ткнула пальцем в Тыкву, — налей воды во что-нибудь.

Тыква попробовал было возразить, что гадать положено на Святки, а не на Масленицу, и вообще ночью. На что Настасья велела ему не сбивать настрой и задернуть шторы, чтоб была ночь и Святки. А если не верит — то особо недоверчивым можно сугроб за шиворот, чтоб прониклись атмосферой и режиссерским замыслом.

Сугроба за шиворот Тыква не хотел, им всем хватило сугробов по самое не могу: как назло, едва они расчехлили инструменты и начали играть любимого Гершвина, ясное небо затянуло, и пошел снег. Так что пришлось меньше чем через два часа сбегать с Арбата, не наработав даже на ужин в Шоколадке, и идти греться к Лиле домой. Вот только она напрочь забыла, что в холодильнике ничего нет, кроме пары яиц, прокисшего молока и жалкого кружка колбаски полукопченной, краковской.

Гадать, ясное дело, стали для Лили. К встрече со своим суженым Настасья не была морально готова, Тыква замыслом так и не проникся, а отвлекать шеф-повара от блинов было равно государственной измене.

— Деваться тебе некуда, Лильбатьковна. И вообще, сколько ж можно!.. — Не закончив, Настасья выразительно покосилась на сердитую и крайне деловитую

Сенькину спину. — Давай закрывай глаза, повторяй за мной, а потом гляди в Зеркало Судьбы.

Лиля сделала проникновенно-задумчивое лицо, чтоб ей не вздумали совать снег за шиворот для лучшего погружения в замысел, и склонилась над полным воды стареньким блюдечком. Настасья с Тыквой подались к ней, пихаясь локтями от любопытства.

Увидела она только сеточку тонких трещин на дне и какие-то крошки. А больше ничего.

— Нету суже... — начала Лиля, отодвигаясь от неудавшегося Зеркала Судьбы, и тут ее толкнул в спину Сенька, колдующий у плиты. Несильно, но хватило, чтоб дернуться и чуть не сшибить рукой блюдечко.

Вода плеснула на стол, пошла рябью, а Лиля, сама не понимая почему, прилипла взглядом к трещинкам на донце — и эти трещинки вдруг показались лицом. Мужским. Или нет, скорее юношеским. Красивым лицом — благородным таким... Лиля замотала головой и отшатнулась. Ну бред же, не бывает никаких лиц в воде!

Но удрать от мистики с глюками ей не позволили Настасья с Тыквой.

— Что там? — в один голос спросили ее и чуть не ткнули лицом в воду.

— Ты смотри-смотри! Нечего морду воротить от суженого! — строго добавила Настасья и сама, глянув в воду, ойкнула.

Тыква передернул плечами и фыркнул. Даже Сенька оторвался от плиты и заглянул в блюдце. И заржал.

— Суженый, ой, не могу! — выдавил он, ткнул пальцем куда-то вверх, на обклеенную постерами и журнальными вырезками стену, и заржал снова. — Доигралась!

Настасья с Тыквой глянули вверх и, с облегчением забыв про гадание, принялись громко обсуждать, кто

из актеров, игроков или персонажей отразился в воде. А Лиля уставилась в блюдце. Может быть, хотелось снова увидеть то лицо и убедиться: да, точно, всего лишь отражение. Глупо, смешно и никакой мистики. Но вместо этого — словно провалилась туда, в воду, как иногда проваливалась через монитор в игру...

Там, в воде, — то есть там, непонятно где, — по зеленому полю бежал парень. Лилия очень хорошо его рассмотрела, пусть и со спины: длинные темные волосы, заплетенные в кельтскую косу, кожаная куртка, какая-то дичь на поясе, колчан с несколькими стрелами. «Реконструктор, ролевик?» — мелькнула мысль и была тут же отброшена, как идиотская. Ролевик, ага. В блюдечке. С каемочкой. И свист, и топот с лаем — тоже в блюдечке, а не за окном, ясное ж дело!

А парень внезапно обернулся, скользнул по ней встревоженным взглядом и припустил еще быстрее, словно за ним гнались. Лилия аж вздрогнула: он ее увидел! Но не отдернулась, вгляделась снова — и перед глазами замелькали яркие плащи, конские гривы, что-то блестящее и острое, и за окном заржали лошади, а незнакомого парня — она точно это знала! — сейчас будут убивать, а она никак ему не поможет...

— ...да Лилька же! — прямо над ухом заорала Настасья и дернула ее за плечо. — Ты что, уже с голоду померла?

Дернувшись от неожиданности, Лилия опрокинула блюдце, вскочила, бестолково метнулась туда-сюда, чуть не сшибла Сеньку — он еле удержал от падения с плиты горячую сковороду и, кажется, обжегся, — накрыла лужу кухонным полотенцем и уже собралась перед Сенькой извиняться, как в прихожей заорал телефон. Лилия замерла, не понимая, куда кидаться.

— Иди уже, — вздохнул Сенька и сунул обожженный палец в рот. — Мечтательница.

Кивнув, Лиля бросилась к телефону. И, уже поднимая трубку, оглянулась на обклеенную постерами стену. Оттуда смотрели десятки лиц — и среди них наверняка было то, из блюда. А может, и не было. Может, тот парень все же убежал...

— Слушаю, — сказала она в телефон.

— Лилия Тишина? — спросил незнакомый вкрадчивый баритон. — Мы бы хотели с вами встретиться.

Часть 1

Глава 1

Сакс

Конский топот и улюлюканье Деррил Сакс услышал на середине поля.

— Браконьер! Ату! — радостно заорали со стороны леса.

Нобли, принесла нелегкая чужаков!

В горле у Сакса мгновенно пересохло, сердце ухнуло вниз, рука сама потянулась к поясу, отцепить и бросить дичь. Только толку? Увидели уже, щучьи дети! Не трата ни мгновения, Сакс кинулся к заросшему рябиной оврагу. Вдруг повезет, не станут стрелять? Зайцев же добыл, не рыбу! Это за рыбу вешают, как за оскорбление щучьего герба. А зайцы, что им, рыбникам, какая-то пара зайцев...

Помоги, Матерь, отведи беду! Пусть нобли будут с добычей, добрые!

Оглянулся на бегу: несутся из леса, со стороны Девьего озера, топча зеленый овес. Трое благородных ноблей в желтых беретах, на породистых жеребцах, с копьями на перевес — и полдюжины слуг с луками и пиками, но без единой оленьей туши.

— Ату! — снова крикнул один из рыбников, остальные подхватили по-своему.

Топот за спиной приближался — быстро, слишком быстро, а зеленые заросли словно убежали, и дыхание рвалось, и между лопатками уже почти вонзилась стрела!..

Сакс вильнул и пригнулся на бегу, и тут же справа, совсем близко, просвистело. И еще раз: вторая стрела воткнулась в землю перед ним, шагах в пяти.

Пугают, словно он им — заяц!

Едва не запнувшись о кротовину, Сакс вильнул снова — быстрее, к оврагу! Пусть пугают, может, успеет добежать, совсем же немного, еще чуть!..

Позади заржали нобли, что твои жеребцы.

— Стоять, дирт! — властно крикнул все тот же чужак.

«Грязь», — бездумно перевел знакомое слово Сакс. Чужакам все они — грязь!

Третья стрела свистнула слева, почти задев рукав.

Проклятие, почему овраг так далеко?! Не успеть, пристрелят, дери их!..

Сакс развернулся, хватаясь за длинный нож у бедра.глянул на ближнего рыбника: успеет ли всадить нож, прежде чем сдохнет? Нобль выкатил злющие белесые глаза, ощерился — вылитая щука с луайонского флага. Затопчет? Или — копьём? Лучше бы попробовал затоптать, бить будет сподручнее!

Ну же, иди ближе, щука ты драная!..

Но ударить не удалось.

Нобль что-то выкрикнул по-своему, натянул повод — и копыта пропахали землю в полушаге от Сакса, оскаленная морда жеребца вскинулась над его головой... Далеко, не достать! Но почему остановился? Передумал убивать?

От внезапной надежды сердце подпрыгнуло куда-то к ушам, в животе похолодело. Очень захотелось жить, по-

думалось, что отец с мамой ждут — Сакс у них последний остался. Не вернется, совсем пропадут одни.

Отступив на шаг, он отвел глаза: нобли, как звери, не выносят прямых взглядов. И вздрогнул от боли: плеть со злобным свистом опустилась на руку, хорошо, не по пальцам, а по кожаному рукаву.

— Брось нож, — картавя и ломая язык, велел рыбак. — Лук брось.

Кажется, убивать не будут, слава Матери!

Плавно, чтобы не ткнули пикой, отстегнул ножны. Уронил. Снял со спины лук, тоже уронил. Руки дрожали от досады и бессилья, чуть не до слез было жаль купленного в городе ножа и отцом сделанного лука.

Нобли окружили его: мелькали края дорогих плащей, сапоги телячьей кожи со шпорами. Ни кабана, ни косули, ни заваливающей утки — немудрено, что злые, как боуги. А нечего было Отца и Матерь гневить, охотиться у Девьего озера! Нет на землях Девы добычи для рыбаков, и самого озера нет!

Поднять глаза выше Сакс не решался, мало ли, нобли разозлятся. И в сторону оврага уже не смотрел, поздно. Догнали уже.

Нобли лопотали по-своему. Сакс различал отдельные слова: браконьер, повесить, грязь, моя земля, работать. Помянули солнечного бога, Асгейра. Хотят отдать браконьера в жертву? Совсем плохо. Лучше бы подстрелили, чем на костер...

Подумал о костре — как наяву почуял запах гари, увидел заросшие березняком остовы домов, закопченные стены замка, одноглазого мельника с ожогом на поллица... Клятые шуки, мало вам?!

Рука дернулась к поясу — но ножа не было. Зачем послушался, отдал? Теперь совсем зазря пропадет.

Лопотание сменилось смехом. Сакса бросило в жар: решили. Только бы не на костер.

— Заяц дай, мое, — приказал все тот же рыбник, и как плюнул: — Дирт.

Протянув обе тушки слуге, Сакс кинул взгляд на нобля, успел увидеть лишь ухмылку и замах. Увернуться бы, сбежать, но куда?! Кругом рыбники, слуги — и те из Луайона!

Плеть ожгла плечи, следом — спину. Удары посыпались со всех сторон. Сакс только и мог, что опустить голову, закрыть лицо и спрятать пальцы, лучник без глаз и пальцев недорого стоит... лучник? Дурень! Отец же велел: падай! Будут бить — падай, кричи, что хочешь делай, но выживи! И он упал, заверещал что-то жалобное. Было не столько больно, сколько противно, и грязно, и кислая злость жгла горло, требовала рвать чужаков зубами!.. Но Сакс только скорчился в пыли, смешанной с потоптанными колосками, перекатился так, чтобы закрыть собой нож. Заскулил.

Рыбники засмеялись, снова залопотали. Убрали плети.

Сакс не шевелился, притворялсядохлым.

— Мерде, — громко и презрительно сказал важный нобль, что-то еще добавил по-своему. Остальные почти-тельно засмеялись.

Послышался хлопок, словно перчаткой по конской холке, и жеребец нобля рысью пошел прямо на него. Сакс сжался, готовый откатиться, бежать — да пусть подстрелят, все равно уже, только не покорно ждать. Но рыбник хохотнул, и жеребец перепрыгнул Сакса, едва не задев задними копытами.

С десятков ударов сердца, громких, отчаянных, Сакс выжидал и прислушивался. Топот копыт и довольный смех удалялись. Зато наваливалась боль, а вместе с ней

стыд, до слез: сколько ж можно валяться перед рыбаками в грязи?!

— Убью. Клянусь кровью, ни одного луайонца не будет на нашей земле! — В запале он треснул кулаком об землю, поранил ладонь о нехстати попавшийся камешек и сморщился от боли. — Дерьмо рыбе.

Поднявшись, он подобрал нож и расщепленный копытами лук. Ножны пристегнул обратно к поясу, а негодную деревяшку отбросил. И рысью побежал к лесу: возвращаться домой без лука, без добычи, в драной куртке и грязным? Нет уж. До полудня еще далеко, успеет и помыться, и добыть что-нибудь. Да хоть бы и рыбу, щучьим детям назло! И вообще уйдет в Кроу, к повстанцам. Отец с кузнецом говорили, скоро будет восстание, не может не быть. Уже двадцать пять лет нобли грабят Тейрон, заставляют кланяться своему богу, объявили Отца с Матерью порождениями тьмы. Сколько ж можно!

Повстанцы сметут рыбаков с родной земли, втопчут в грязь...

Да! Сакс станет рыцарем, возглавит восстание... не потому, что дед был лордом Оквуда, — а потому, что он достоин! Сам тейронский король Бeroук пожалует ему герб, пробитый стрелой дубовый лист, как был у деда, и блестящий доспех, и оруженосец будет держать над ним зеленый стяг с королевским медведем. А луайонские щучьи знамена — в грязь, под копыта, и ноблей — под копыта!

Прежде чем нырнуть в орешник, Сакс обернулся: в поле было по-прежнему пусто, слава Матери. Нобли, верно, ускакали подальше от Девьего озера охотиться, не пустыми ж возвращаться в замок. На всякий случай сплюнул через плечо, отгоняя боуги: озеро — владения Девы, и свора ее где-то рядом. По крайней мере старый

хранитель Фианн так говорит и велит обходить озеро стороной. Дурное, мол, место. Ноблей и мудрых не подпускает, королевские стражники у озера и вовсе пропадают, одних колдунов привлекает. А все потому, что там водится нечисть из холмов: фейри да боуги.

Да пусть бы там всех стражников и ноблей боуги съели! Не жалко!

Повея плечами и зашипев от боли — рыбники лупили от души, даже кожаную куртку пропорол, — Сакс ступил на неприметную тропку. На половине дороги подобрал сухую ветку и принялся ворошить траву: ранние маслята и сыроежки все лучше пустой сумы.

Живот откликнулся согласным бурчанием. С рассвета Сакс не ел ничего, кроме горсти земляники, спешил принести зайцев к обеду. Чтоб рыбникам те зайцы поперек встали!

Наверное, в насмешку прямо над ним застрекотала белка. Крупная рыжая белка. Сакс с досады запустил в нее червивым масленком и пообещал себе сегодня же сделать новый лук, благо в сарае как раз досушились заготовки.

Сунув в сумку последний гриб, он быстрее пошел к озеру: уж там рыбников точно нет! Нобли сколько не искали озеро, а найти не смогли, ни сами, ни с провожатым. Грозилась перевешать наглых диртов и плетью били — без толку. Вон, у мельника вся спина исполосована — за то, что сказал ноблям правду: туда нет ходу тем, кто не почитает Отца с Матерью, молится одному Асгейру и не слушает мудрых.

Как-то, залив глаза, Фианн рассказал легенду про озеро. Старую легенду — не то вранье, которым потчуют мудрые. По той легенде, Дева-Охотница плакала над раненым возлюбленным, целое озеро наплакала. А Отец-